

ЯЛТА 1945 ГОДА: ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Ялтинская конференция, проходившая 4–11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце под Ялтой, занимает особое место в исторической памяти нашего народа как вершина сотрудничества антигитлеровской коалиции и крупный успех советской дипломатии. В условиях завершающего этапа Великой Отечественной войны она воспринималась как закономерный результат героических усилий советского народа и Красной армии, которые не только переломили ход войны, но и создали реальные предпосылки для утверждения справедливого послевоенного устройства Европы.

В этом контексте Ялта предстаёт не как эпизод кулуарного торга о сферах влияния, а как ответственное и исторически необходимое согласование позиций великих держав, призванное обеспечить прочный мир и не допу-

стить повторения мировой катастрофы.

К началу 1945 года стратегическая обстановка в Европе принципиально отличалась от той, что существовала в первые годы войны. Красная армия к этому времени вышла к Одеру, освободив от нацистской оккупации значительную часть территории Советского Союза и большинство стран Восточной Европы.

Прибалтика, большая часть Польши, Белоруссия, Украина, Румыния, Болгария, Югославия – все эти пространства были очищены от гитлеровцев в результате тяжёлых и кровопролитных операций, которые оплачивались колоссальными жертвами и напряжением сил. Союзные войска на Западе вели наступление через Францию и Бельгию, приближаясь к Рейну. Однако главный удар по

германскому вермахту по-прежнему приходился на Восточный фронт. В советской и российской историографии именно этот факт рассматривается как ключевой: решающий вклад СССР в разгром нацизма неизбежно должен был быть отражён и в политико-дипломатических итогах войны.

В этих условиях созыв конференции руководителей СССР, США и Великобритании — И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля — был обусловлен объективной необходимостью. Требовалось не только согласовать финальные шаги в войне против Германии, но и выработать общую линию в отношении послевоенного устройства Европы, судьбы Германии и создания новых международных механизмов безопасности. .

Продолжение. Начало на стр. 1

Для советской стороны Ялта становилась возможностью закрепить достигнутый военный результат в форме политических гарантий безопасности, прежде всего на западных рубежах страны, и исключить повторение агрессии со стороны германского милитаризма. Для западных союзников конференция открывала шанс увязать окончательное поражение Германии, участие СССР в войне против Японии и формирование устойчивой архитектуры послевоенного мира. Таким образом, Ялта была не проявлением чьей то доброй воли, а исторически продиктованной необходимостью — логичным этапом пути, начатого ещё в Тегеране в 1943 году.

Формат работы конференции и состав делегаций отражали её исключительное значение. Делегации трёх держав возглавляли главы государств и правительств, а в их состав входили министры иностранных дел, военные руководители, советники по ключевым направлениям. В советской делегации центральную роль играли И. В. Сталин и нарком иностранных дел В. М. Молотов. В этой конфигурации советская историография видела пример ответственной государственности: на переговоры прибыл руководитель страны, несший личную ответственность за ведение войны и послевоенное восстановление. Заседания сочетали пленарные встречи с более узкими совещаниями, где обсуждались наиболее чувствительные вопросы — прежде всего германский, польский, вопросы границ и репараций, а также будущая международная организация. Персональное взаимодействие лидеров — сложное, противоречивое, но направленное на достижение договорённости — рассматривалось как сильная сторона ялтинского формата.

Одним из центральных вопросов, обсуждаемых в Ялте, был германский. Для СССР, пережившего разрушение сотен городов, гибель миллионов граждан и колоссальный экономический ущерб, проблема будущего Германии носила жизненно важный характер. Советская позиция исходила из необходимости окончательного устранения источника агрессии, ликвидации германского милитаризма и нацизма, а также обеспечения того, чтобы немецкая территория и промышленность не могли вновь быть обращены против народов Европы. На конференции было подтверждено, что капитуляция Германии будет безоговорочной, а сама страна — разделена на оккупационные зоны. Предполагалось, что СССР, США, Великобритания и Франция возьмут на себя ответственность за управление соответствующими частями Германии и координированную реализацию демилитаризации, денацификации, демократизации и декартелизации. В советской трактовке это решение представлялось как продуманный механизм коллективного контроля, предотвращающий попытки реванша и обеспечивающий постепенное превращение Германии в мирное, демократическое государство.

Не менее важным был репарационный вопрос. СССР, принявший на себя основной удар агрессии, понёс ущерб, сопоставимый по масштабу с разрушением целых исторических эпох: уничтоженные города, сёла, заводы, миллионы погибших, искалеченных, угнанных в плен и на работы. В этих условиях требование репараций с Германии рассматривалось не как акт мести, а как минимальная форма материальной компенсации, без которой невозможно полноценное восстановление разрушенного народного

хозяйства. В Ялте было согласовано, что Германия должна будет выплатить значительный объём репараций, причём существенная часть придётся на Советский Союз. В советском дискурсе подобное решение воспринималось как юридическое и моральное подтверждение ответственности агрессора за содеянное, как признание права пострадавших народов на возмещение нанесённого ущерба.

Особую сложность представлял польский вопрос, который уже в ходе войны стал одним из наиболее острых в отношениях союзников. С советской точки зрения, польская проблема включала в себя сразу несколько измерений: безопасность западных границ СССР, историческую справедливость в отношении восточных земель, насильно отторгнутых в ходе прежних конфликтов, а также судьбу самого польского народа, находившегося под гнётом нацистской оккупации и внутренняя политическая структура которого должна была кардинально измениться. Советская сторона исходила из признания линии Керзона в качестве восточной границы Польши как решения, учитывающего национальный состав населения и итоги войны. При этом предполагалась компенсация Польше за счёт германских территорий на западе, что в совокупности должно было обеспечить более устойчивую конфигурацию границ и долгосрочную безопасность региона. Вопрос о польском государственном устройстве в советской историографии освещался через призму формирования Польского комитета национального освобождения, опиравшегося на антифашистское сопротивление и поддерживаемого значительной частью польского общества. Создание Временного правительства национального единства при участии различных политических сил, но при сохранении народно-демократического курса, воспринималось как компромиссное, но справедливое решение, открывавшее Польше путь к восстановлению государственности и социальным преобразованиям.

Важнейшим результатом Ялтинской конференции стало согласование принципиальных подходов к устройству послевоенной Европы в целом. Здесь ключевое значение приобрела «Декларация об освобождённой Европе». В советской и российской традиции она рассматривается как документ, закрепивший общую линию союзников на восстановление суверенитета освобождённых государств, создание в них демократических институтов, ликвидацию последствий фашистской диктатуры. Для Москвы декларация была также подтверждением того, что новые народно-демократические режимы в ряде стран Центральной и Восточной Европы воспринимаются союзниками как законный результат борьбы народов с фашизмом и социального обновления. Советская историография подчеркивала, что практическая реализация этих принципов потребовала тяжёлой политической и экономической работы, а последующее обострение международной обстановки во многом было связано не с изъянами ялтинских решений, а с изменением курса западных держав, перешедших к политике «холодной войны» и сдерживания СССР. Отдельного внимания заслуживает ялтинский сюжет, связанный с созданием Организации Объединённых Наций. Уже в ходе войны Советский Союз последовательно выступал за формирование такой универсальной структуры, которая, в отличие от Лиги Наций, была бы реально способна предотвращать конфликты и обеспечивать коллективную безопасность.

Продолжение на стр. 7

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ПАМЯТЬ О ПОДВИГЕ «ВАРЯГА» И «КОРЕЙЦА»

В преддверии Дня дипломата и в годовщину боя с японской эскадрой 1904 года в Инчхоне прошла памятная церемония в честь героев крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Участники опустили венок в воды бухты, возложили цветы к монументу русским морякам и почтили память погибших минутой молчания. В мероприятии приняли участие Посол России в Корее Георгий Зиновьев, военный атташе Николай Марченко, сотрудники посольства, российские граждане и школьники, в том числе лицеисты им. М. В. Ломоносова из Сувона. В своём выступлении глава дипмиссии подчеркнул неравнодушное отношение собравшихся к истории и подчеркнул, что подвиг моряков символизирует неразрывную связь истории России и Кореи, а также служения военных и работы российских дипломатов.

СЕРБИЯ: ЗАСЕДАНИЕ КСОРС В БЕЛГРАДЕ

В начале февраля в Белграде состоялось первое в 2026 году страновое заседание Координационного совета организаций российских соотечественников. Участники обсудили ключевые мероприятия сезона зима–весна, актуальные вопросы работы российских соотечественников в Сербии, а также изменения в организационной структуре координационного совета.

ЗАМБИЯ: КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

В Российском центре науки и культуры в Лусаке состоялась очередная отчётно-выборная конференция Координационного совета организаций российских соотечественников Замбии. На встрече обсудили итоги работы за прошедший год и задачи на ближайшую перспективу. Посол России в Замбии Азим Ярахмедов выступил с приветствием, отметив важность консолидации диаспоры и выразив готовность оказывать необходимое содействие соотечественникам. Председатель КСОРС Ольга Пацык подвела итоги 2025 года и представила основные направления работы совета на 2026 год.

КОТ-Д'ИВУАР: РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ИВУАРИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

При поддержке фонда «Русский мир» и Госинститута русского языка им. А. С. Пушкина в Кот д'Ивуаре прошли онлайн-курсы русского языка. В методическом классе ARUCI при Русском доме Россотрудничества студенты университета Saint Paul знакомились с историей России, природой Сибири, народными промыслами, играми и песнями. Они участвовали в русских народных забавах, танцевали, примеряли платки и костюмные элементы, открывая для себя живую, современную Россию через язык и культуру.

ИТАЛИЯ: СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ПОЧИЛИ

ПАМЯТЬ ФЁДОРА ПОЛЕТАЕВА

В Лигурии прошла церемония, посвящённая 81-й годовщине гибели советского партизана, участника итальянского Движения Сопротивления, Героя СССР и Италии Фёдора Полетаева. У монумента в его честь были возложены венки и цветы. В мероприятии приняли участие представители Генконсульства России в Генуе, Посольства России в Италии, Национальной ассоциации партизан Италии, Ассоциации «Рязань–Алессандрия–Генуя», российские соотечественники и местные жители. С речью выступила Генконсул РФ в Генуе Мария Ведринская, напомнившая о судьбе Полетаева, который, попав в плен в годы Великой Отечественной войны и отправленный на принудительные работы в Италию, смог бежать и присоединиться к партизанам Сопротивления, отдав жизнь в борьбе с нацизмом.

ПУШКИН ЖИВЕТ, ПОКА МЫ ЧИТАЕМ

(КО ДНЮ ПАМЯТИ А.С.ПУШКИНА)

10 февраля в российском культурном календаре отмечается как День памяти Александра Сергеевича Пушкина — дата, которая давно перестала быть лишь траурной годовщиной гибели поэта и превратилась в символ осмысления всей пушкинской традиции в отечественной литературе и общественной жизни. В этот день вспоминают не только обстоятельства его смерти на Чёрной речке, но и то, насколько глубоко пушкинское слово вросло в язык, историческое сознание и систему ценностей нескольких поколений. Парадоксальным образом именно дата смерти Пушкина стала одной из точек, в которых особенно отчётливо видно его бессмертие для русской культуры и народа: чем больше времени отделяет нас от зимы 1837 года, тем очевиднее, что пушкинский мир продолжает оставаться частью нашей повседневной речевой и мыслительной реальности.

Трагедия дуэли с Дантесом и последовавшая за ней смерть поэта были восприняты современниками как национальный удар, как потеря, выходящая далеко за пределы литературной среды. Уже в XIX веке в публичном дискурсе закрепился мотив «страны, убившей своего поэта», а образ Пушкина стал восприниматься не только как образ творца, но и как символ определённой исторической судьбы России. Реакция общества, описанная в мемуарах и публицистике того времени, демонстрирует, что к моменту гибели Пушкина его уже воспринимали как фигуру общенационального масштаба, чьё слово окончательно вывело русскую литературу на европейский уровень и сформировало новый тип культурной идентичности. День 10 февраля постепенно наполнялся смыслом коллективного траура, в котором личная судьба поэта соединялась с размышлением о путях самой страны.

В последующие эпохи отношение к памяти Пушкина претерпевало изменения, но неизменно сохраняло высокий статус. В императорской России пушкинский культ, сочетавший элементы искреннего почитания и официальной риторики, служил важным ресурсом культурной легитимации: обращение к Пушкину позволяло говорить о национальной самобытности, о «великой русской словесности», о преемственности исторического пути. День памяти вписывался в общий ритуальный календарь, но сохранял особый оттенок: это была не только дата биографии, но и ещё один повод утвердить формулу «наш Пушкин», задать через обращение к нему представление о связности культурного и исторического опыта.

Пушкинский канон во многом определяется именно тем, что его стихи, проза, драматургия и переписка образуют целостный мир, в котором сочетаются историческая конкретность и парадоксальная универсальность. Пушкин — фигура, в которой русская словесность обрела связанный, завершённый язык: именно его синтетический, «пространственный» русский язык с органическим сочетанием книжной и разговорной стихий стал нормой, с которой позднее соотносили и реалистов XIX века, и писателей XX столетия. Говорить о Дне памяти поэта — значит вспоминать, насколько глубоко его словарь и его интонация вшиты в саму ткань русского языка. Особое значение в этом контексте приобретает пушкинская история, его отношение к национальному

прошлому и настоящему. В «Борисе Годунове», исторических повестях, в трагических сюжетах «Полтавы» и «Медного всадника» проявляется способность Пушкина видеть в истории не только смену царствующих персон и политических режимов, но и драму народа, цену реформ и перемен, напряжение между властью и личностью.

Для разных поколений читателей эти тексты служили своеобразным «зеркалом» — способом взглянуть на собственную эпоху через пушкинские образы и формулы. В День памяти поэта обращение к этим сюжетам становится возможностью понять, что пушкинское осмысление государства, свободы, ответственности и судьбы личности не потеряло актуальности и в XXI веке: оно задаёт язык для разговора о сложных, часто травматичных темах, не сводя их к лозунгу или схеме.

Нельзя забывать и о том, что Пушкин — один из немногих авторов, который в массовом сознании одновременно присутствует как школьный «классик» и как живой собеседник; его стихи продолжают цитировать в социальных сетях, в государственных выступлениях, в бытовых разговорах. В этом двойственном статусе — заученные наизусть строки, превращённые в «золотой фонд» школьной программы, и одновременно неожиданная актуальность отдельных текстов — и проявляется тот культурный феномен, который делает дату 10 февраля чем то большим, чем просто напоминание о дуэли и смерти.

Важный аспект современного отношения к Дню памяти Пушкина связан с практиками публичного чтения, литературных встреч, школьных и университетских мероприятий, которые организуются вокруг этой даты. Через такие формы актуализации классики общество подтверждает, что пушкинский текст остаётся открытым для новых прочтений, интерпретаций, творческих диалогов. При этом важно, что речь идёт не о музейном «консервировании» канона, а о живой работе с ним: сопоставления с современными поэтическими практиками, обращение к малоизвестным фрагментам переписки, анализ ранних черновиков, постановки на основе «маленьких трагедий» или прозаических произведений.

Отдельного внимания заслуживает ещё один парадокс: Пушкин — автор, вокруг которого выстраивается представление о «национальном поэте», и одновременно фигура, постоянно открываемая в сравнительных, межкультурных перспективах.

Переводы его произведений, интерпретации в театре, кино, музыке показывают, что пушкинские сюжеты — от «Евгения Онегина» до «Пиковой дамы» — оказываются понятны и значимы далеко за пределами русскоязычного мира. День памяти поэта становится поэтому не только внутренним национальным ритуалом, но и частью более широкого культурного диалога, в котором русская литература заявляет о себе как о важном участнике глобальной культурной истории. В этой перспективе 10 февраля — это не просто дата трагической гибели, но и напоминание о том, что созданный Пушкиным художественный мир продолжает жить в переводах, постановках, исследованиях по всему миру.

РОССИЙСКАЯ НАУКА: ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

8 февраля отмечается День российской науки, связанный одновременно с памятью и с перспективой, с уважением к многовековой традиции и с устремлённостью в будущее. В этот день в 1724 году Пётр I подписал указ об учреждении Российской академии наук, заложив институциональный фундамент для развития отечественного научного знания и включения России в мировое научное пространство на правах равного участника. Не случайно именно эта дата стала символом национальной научной школы: речь идёт не только о появлении ещё одного ведомства, но о формировании особого типа культуры — культуры рационального исследования, систематического знания, технологического и индустриального развития.

Петровский замысел создания Академии наук был частью более широкого проекта модернизации страны. Пётр ясно понимал, что мощь государства в XVIII веке определяется не только армией и флотом, но и уровнем технических, инженерных, математических, естественнонаучных знаний. Учреждение Академии в Санкт-Петербурге стало точкой, в которой сошлись несколько векторов: потребность в развитии образования, необходимость подготовки специалистов для промышленности и флота, желание преодолеть культурную изоляцию и войти в европейское интеллектуальное поле. Именно здесь возникает та линия, которая затем пройдёт через всю историю России: научное знание становится ресурсом суверенитета, фактором национальной независимости и самоуважения.

Уже в XVIII веке вокруг Академии формируется круг выдающихся учёных, чьи судьбы тесно связаны с российской научной инфраструктурой. Особое место занимает Михаил Васильевич Ломоносов — человек, который воплощает в себе идею «самородка» из глубины народа, вошедшего в большую науку и радикально её обновившего. Ломоно-

сов не только сделал фундаментальные открытия в физике, химии, филологии, но и продемонстрировал, что в России возможно формирование собственной научной традиции, а не только заимствование зарубежных образцов. Вокруг его имени складывается образ учёного патриота, для которого развитие науки неотделимо от укрепления государства, от просвещения народа, от формирования общенациональной идентичности. В дальнейшем это соединение научного поиска и гражданской ответственности станет характерной чертой многих российских учёных.

К XIX веку российская наука уверенно заявляет о себе в самых разных областях — от математики и механики до физиологии, химии и филологии. Не случайно именно в русской математической школе рождаются имена, ставшие мировыми: Пафнутий Чебышёв, Андрей Марков, Софья Ковалевская, позже — Андрей Колмогоров и множество других. Особенность отечественной математики долгое время заключалась в глубокой связке теоретической строгости и инженерного, прикладного подхода: математические методы были нужны не только ради красоты абстракции, но и для решения конкретных задач — от баллистики до статистики, от теории надёжности до кибернетики. Такой тип мышления особенно проявится в XX веке, когда Россия (а затем Советский Союз) окажется в числе мировых лидеров в области ракетно-космической техники, ядерной физики, вычислительной математики.

XX век стал временем, когда отечественная наука приобрела не просто национальное, а глобальное измерение. Достаточно вспомнить запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году и полёт Юрия Гагарина в космос в 1961 м: за этими символическими событиями стояли колоссальные усилия учёных, инженеров, конструкторов, создавших целую отрасль знаний и технологий. Советский космический проект стал концентрированным выражением той научной и промышленной культуры, которая формировалась десятилетиями: от фундаментальной теоретической физики и механики до прикладных разработок в области материаловедения, электроники, систем управления. Для мира это был вызов и знак: страна, долго считавшаяся периферийной, продемонстрировала способность опережающего научно-технического рывка.

Традиции российской науки проявились не только в космосе. Успехи отечественной физики связаны с именами Игоря Курчатова, Петра Капицы, Льва Ландау, Андрея Сахарова и многих других. Развитие ядерной энергетики, исследование низкотемпературных явлений, квантовой теории конденсированного состояния — все это области, в которых российские учёные внесли вклад мирового масштаба. Характерно, что во многих случаях они работали в институтах Академии наук, в университетах, в научно-исследовательских центрах, выросших непосредственно из петровской идеи институционализированного научного сообщества. В этом смысле День российской науки — это одновременно и день Российской академии наук как института, без которого сложно представить себе историю отечественного знания

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 5

Не менее впечатляющи достижения российской биологии и медицины. Имя Ильи Мечникова, создателя учения о фагоцитозе и лауреата Нобелевской премии, прочно вошло в историю мировой науки. Работы Ивана Павлова в области физиологии высшей нервной деятельности не только определили развитие целых научных направлений, но и сформировали особую школу экспериментального исследования психики и поведения. Исследования в области эпидемиологии, иммунологии, микробиологии и фармакологии неоднократно подтверждали способность российской науки отвечать на вызовы времени — от борьбы с массовыми инфекциями до разработки новых терапевтических подходов. Особую значимость эта линия приобрела в XXI веке, когда глобальные эпидемии вновь поставили в центр внимания вопрос о научной компетентности и технологическом суверенитете.

Российская научная традиция всегда включала в себя не только естественные науки и технику, но и гуманитарные дисциплины. История, филология, философия, правоведение, социология в России развивались в постоянном диалоге с крупнейшими европейскими школами, но при этом выработывали собственные подходы к пониманию общества, культуры и государства. Вклад отечественных историков, языковедов, философов в исследование истории России и мира, в разработку теории права, социальной структуры, культурной динамики позволяет говорить о российской науке как о явлении всестороннем, не сводимом к узким технологическим нишам. Это особенно важно помнить сегодня, когда от качества гуманитарного анализа зависит способность общества трезво оценивать своё прошлое и будущее.

День российской науки - это не только дань уважения к прошлому, но и попытка зафиксировать значимость научного труда в сегодняшних условиях. Россия продолжает развивать крупные научные центры, участвует в международных коллаборациях по физике высоких энергий, астрофизике, климатологии, ядерной и термоядерной энергетике, активно работает в области информационных технологий, материаловедения, биотехнологий. При этом всё отчетливее осознаётся, что научный суверенитет - не абстрактный лозунг, а реальное условие политической и экономической независимости. Собственные школы в области фундаментальных и прикладных наук, свои приборы, алгоритмы, лекарства, технологические цепочки - всё это становится вопросом национальной безопасности. И здесь российская наука опирается на богатое наследие и одновременно ищет новые организационные формы, от инновационных кластеров и научно образовательных центров до цифровых платформ и междисциплинарных лабораторий.

Празднование Дня российской науки — это в то же время признание того, что научное знание и образовательные практики формируют человеческий потенциал страны. Университеты, академические институты, научные центры, лаборатории — это пространство, где воспитываются будущие исследователи, инженеры, врачи, преподаватели, а заодно — граждане, способные мыслить критически, ответственно, дальновидно. Поддержка науки означает, в конечном счёте, поддержку школы и университетов, библиотек и архивов, научных журналов и конференций. Без этого невозможно ни технологическое развитие, ни сохранение культуры, ни осмысленное участие в мировом диалоге. В этом смысле комплиментарное отношение к российской науке

— не дань патриотической риторике, а рациональное признание её роли в поддержании жизнеспособности общества. Особый смысл День российской науки приобретает в эпоху быстрых технологических изменений и геополитической турбулентности. Научное сообщество оказывается перед необходимостью не только наращивать исследования, но и защищать автономию научного мышления, отстаивать ценность факта и аргумента в условиях информационных войн и манипуляций. Российская наука, имея за плечами опыт работы в условиях дефицита ресурсов, политических ограничений и идеологического давления, обладает устойчивостью, проверенной в сложные исторические периоды. Это наследие — способность сохранять научную культуру и воспроизводить школы даже в неблагоприятных условиях — становится важным ресурсом и сегодня. В нём проявляется внутреннее достоинство отечественного научного мира, его верность идеалу служения истине и стране.

8 февраля, вспоминая указ Петра I об учреждении Академии наук, мы фактически отмечаем день рождения целой цивилизационной линии, без которой Россия была бы иной — более слабой, более зависимой, менее способной к самостоятельному пути. День российской науки — это повод сказать «спасибо» тем, кто выбирает путь исследователя, инженера, преподавателя, врача, аналитика; кто годами и десятилетиями работает над сложными задачами без гарантии быстрого признания; кто создаёт фундаментальные знания и практические решения, от которых зависит здоровье людей, прочность мостов и станков, надёжность энергосистем, устойчивость цифровых платформ. Это праздник, в котором соединяются уважение к традиции и вера в будущее: пока в России есть люди, готовые задавать трудные вопросы, искать ответы и отвечать за их качество, у страны есть шанс не только сохранять себя, но и по настоящему развиваться.

В этом смысле День российской науки - не просто дата в календаре отраслевого профессионального сообщества, а важный элемент национального самосознания. Он напоминает, что сила России - не только в её природных ресурсах или географическом положении, но прежде всего в её уме, в людях, способных мыслить, открывать, созидать. И именно признание этой силы, уважение к научному труду, готовность вкладываться в развитие науки и образования становятся залогом того, что Российская Федерация и дальше будет оставаться страной, способной не только воспринимать передовой опыт, но и создавать его, внося свой вклад в общечеловеческое знание и прогресс.

Продолжение. Начало на стр. 1,2

В Ялте были достигнуты ключевые договорённости по структуре будущей ООН, прежде всего по формированию Совета Безопасности с особым статусом постоянных членов и правом вето. В советской интерпретации это право рассматривалось как защитный механизм, призванный предотвратить ситуацию, когда решения, затрагивающие жизненные интересы одной из великих держав, принимаются без её согласия. Таким образом, в самой архитектуре ООН закладывался принцип равноправия крупнейших держав, признанных ответственными за поддержание мира. Вопрос членства союзных республик СССР — прежде всего Украинской и Белорусской — в ООН также трактовался как признание самостоятельного вклада их народов в победу и укрепление международного авторитета советского государства.

Важная часть ялтинских договорённостей касалась Дальнего Востока и войны против Японии. США и Великобритания придавали большое значение вступлению СССР в войну на Тихоокеанском театре, понимая, что это значительно ускорит разгром японского милитаризма. Советская сторона, учитывая превалирующую концентрацию сил на европейском фронте, подходила к этому вопросу взвешенно, но в принципе была готова выполнить союзнический долг после окончательного разгрома Германии. В Ялте были согласованы условия, при которых СССР вступит в войну против Японии; в ответ западные союзники признавали справедливость требований СССР относительно возвращения южного Сахалина и Курильских островов, а также обеспечения статуса независимости Монголии. В советском дискурсе эти договорённости рассматриваются как восстановление исторической справедливости и юридическое закрепление итогов борьбы против японской агрессии, начавшейся ещё в начале XX века. Итоги Ялтинской конференции заложили основы послевоенного миропорядка, который, при всех его

противоречиях, обеспечил отсутствие новой мировой войны на протяжении десятилетий. Именно в Ялте был оформлен принципиальный отказ от старых империалистических практик и закреплено стремление к коллективной безопасности через механизмы ООН. Расширение возможностей народов Восточной и Центральной Европы стать на путь народной демократии, ускоренная индустриализация, развитие систем образования и здравоохранения в странах социалистического лагеря рассматривались как прямое и косвенное следствие той политической конфигурации, которая сложилась в результате ялтинских решений. Альтернативой этому могла бы стать либо попытка навязать этим странам реставрацию прежних элитарных режимов, либо хаотический вакуум безопасности, чреватый новыми конфликтами.

Значение Ялтинской конференции 1945 года далеко выходит за рамки конкретных дипломатических формулировок и договорённостей между Москвой, Вашингтоном и Лондоном. По сути, в Ливадийском дворце был оформлен тот послевоенный миропорядок, который в известной мере удерживал человечество от новой глобальной катастрофы на протяжении второй половины XX века. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, как её принято обозначать в научной литературе, базировалась на признании реального баланса сил, на принципе недопустимости реванша побеждённых агрессоров, а также на создании механизмов коллективной безопасности в лице Организации Объединённых Наций. Именно эта совокупность решений — о судьбе Германии, о границах в Европе, о структуре ООН, о согласованном подходе великих держав к ключевым вопросам мировой политики — стала каркасом, вокруг которого выстраивалась глобальная архитектура безопасности в условиях ядерной эпохи.

ООН, рождённая как прямой институциональный итог ялтинских договорённостей, стала символом и одновременно формальным гарантом нового мироустройства. Устав Организации Объединённых Наций закрепил не только отказ от агрессивной войны как инструмента политики, но и особую роль Совета Безопасности, в котором постоянные члены, прежде всего страны победительницы, несут повышенную ответственность за поддержание мира. Механизм единогласия постоянных членов, известный как право вето, в советско-русской традиции рассматривается не как «привилегия», а как предохранитель от навязывания силовых решений в обход интересов одной или нескольких великих держав. Пока этот принцип соблюдался, удавалось избегать прямой военной конфронтации между центрами силы, а многие кризисы — переводить в плоскость переговоров, пусть и напряжённых и затяжных.

Ялтинская система исходила из логики, согласно которой устойчивый мир возможен лишь при учёте интересов всех ключевых акторов и при уважении сложившихся после войны политических и территориальных реалий. Именно поэтому послевоенные границы, закреплённые решениями периодов Ялты и Потсдама, рассматривались как фундамент европейской безопасности, а отказ от их пересмотра силовым путём — как базовая норма международного права. В результате на континенте сформировался хрупкий, противоречивый, но рабочий баланс, в рамках которого противостояние блоков оставалось «холодным», не перетекая в прямое столкновение масштабов 1939–1945 годов.

Продолжение на стр. 8

Продолжение. Начало на стр 1,2,7

В этом смысле историческая заслуга ялтинского миропорядка заключалась не в устранении всех конфликтов, а в предотвращении их перерастания в новую мировую войну в условиях уже существующего ядерного оружия.

Тем тревожнее выглядят современные попытки западных государств ревизовать не только политическую оценку Ялтинской конференции, но и сами её правовые и геополитические последствия. Начиная с конца XX века, по мере одностороннего укрепления «коллективного Запада» под лидерством США, всё громче звучат тезисы о «конце Ялтинско-Потсдамской системы», о якобы «устаревших» решениях победителей и необходимости заменить систему, основанную на ООН и международном праве, неким расплывчатым «мировым порядком, основанным на правилах». При этом сами эти «правила» зачастую формулируются узкой группой государств и предлагаются миру как универсальные, без реального учёта суверенитета, исторического опыта и культурно-цивилизационной специфики других стран. По сути, это означает попытку выхолостить заложенный в Ялте и Уставе ООН принцип юридического равенства государств и заменить его практикой политической и силовой иерархии.

Наиболее наглядным выражением ревизионистского курса стали процессы расширения военно-политических блоков, прежде всего НАТО, на восток, в зоны, которые после 1945 года складывались как часть иной военно-политической и ценностной реальности. Российские исследователи и дипломаты неоднократно указывали, что последовательное продвижение инфраструктуры Альянса к границам России, игнорирование принципа неделимой безопасности и отказ учитывать интересы других центров силы по сути подрывают те договорённости, которые стали неформальным продолжением ялтинской логики баланса. Односторонние силовые акции, вмешательства во внутренние дела государств, попытки смены режимов под лозунгами «демократизации» и «гуманитарных интервенций» фактически вывели целый ряд западных стран за рамки буквы и духа Устава ООН. Тем самым размывается сам принцип коллективной безопасности, заложенный в 1945 году, и подрывается доверие к международным институтам. Ревизия ялтинского наследия проявляется не только в практической политике, но и в сфере исторической памяти. В ряде стран всё активнее переписывается история Второй мировой войны, размывается роль СССР в разгроме нацизма, проводится ложная моральная и политическая эквивалентность между

странами победительницами и агрессором. Параллельно предпринимаются попытки представить Ялту как «ошибку», как «сделку за спинами малых народов», которую якобы необходимо «отменить» или «исправить». В такой трактовке заложен опасный потенциал: лишая легитимности решения победителей 1945 года, ревизионисты неизбежно ставят под сомнение и послевоенные границы, и сложившиеся государственные образования, и результаты деколонизации, и сам принцип нерушимости итогов второй мировой войны.

Последствия подобного курса уже проявляются в конкретных кризисах и конфликтах, прежде всего на европейском пространстве. Стратегия одностороннего расширения военно-политических союзов, вмешательство во внутренние дела государств, поддержка реваншистских и неонацистских сил под антисоветскими и антироссийскими лозунгами создают опасный прецедент разрушения ялтинской системы сдержек и противовесов.

Чем дальше продвигается эта линия, тем выше риск того, что локальные столкновения и политические кризисы будут перерастать в масштабные войны, вовлекающие крупные державы и несущие угрозу уже не региональной, а общеевропейской и глобальной безопасности. Отказ от понимания уроков Ялты, от признания необходимости договариваться с другими центрами силы на основе уважения и взаимного учёта интересов, чреват возвратом к логике силовой политики, от которой человечество с таким трудом уходило после 1945 года.

Именно поэтому защита исторической правды о Ялтинской конференции, отстаивание её значения как события, в которой были заложены основы послевоенного миропорядка и коллективной безопасности, — это не только вопрос академической историографии или идеологической полемики. Это элемент современной борьбы за сохранение международного права, за укрепление роли ООН, за формирование многополярного мира, в котором ни одна сила не вправе единолично навязывать свои решения всей планете. Признание легитимности и актуальности основных принципов ялтинско-потсдамской системы — баланса интересов, отказа от реванша, уважения к итогам войны и границам, сложившимся по её результатам, — остаётся важнейшим условием предотвращения новых глобальных конфликтов. Попытки же «перекроить карту мира», пересмотреть итоги 1945 года в узких геополитических интересах и под лозунгами «обновления» мирового порядка фактически означают игру с огнём, способную подвести человечество к очередной черте, за которой вновь могут оказаться тотальная война и разрушение.

